

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕН-
НЫЙ УИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»
Педагогический институт

Кафедра социальной психологии образования и развития

**ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕДИАГРАМОТНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ИХ
ПОЗИЦИЕЙ В РОЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ КИБЕРБУЛЛИНГА И
ПОКАЗАТЕЛЯМИ КИБЕРВИКТИМИЗАЦИИ**

АВТОРЕФЕРАТ
ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 441 группы
направления 44.03.02 Психолого-педагогическое образование
профиля «Психология образования и социальной сферы»
факультета психолого-педагогического и специального образования

Шнякиной Любови Юрьевны

Научный руководитель

доцент, канд. психологических наук _____ А.А. Шаров
подпись дата

Зав. кафедрой

доктор психол. наук, профессор _____ Р.М. Шамионов
подпись дата

Саратов, 2026

ВВЕДЕНИЕ

Бурное развитие цифровых технологий и все более глубокое проникновение их в жизнь человека вызывают изменения в ряде социальных и психологических явлений. Наиболее масштабно эти проблемы отражаются на подрастающем поколении, поскольку его взросление происходит под воздействием повсеместной цифровизации.

Подростки являются наиболее активными пользователями интернета, социальных сетей и платформ для общения, поэтому они оказываются наиболее уязвимой группой перед лицом новых вызовов, среди которых уже особое место заняла проблема кибербуллинга. Данное явление представляет собой намеренные агрессивные действия, которые осуществляются с использованием электронных средств коммуникации и становится все более распространенным явлением среди подростков и влечет за собой серьезные последствия для всех вовлеченных участников, куда входят жертвы, агрессоры (буллеры) и наблюдатели.

Параллельно с ростом киберугроз в обществе формируется понимание необходимости развития у подрастающего поколения навыков, которые позволяют безопасно и осознанно функционировать в цифровом пространстве.

Медиаграмотность понимается исследователями как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для анализа медиаконтента, оценки достоверности информации, распознавания манипулятивных техник и ответственного поведения в сети. Все больше исследователей говорят о медиаграмотности как о потенциальном ресурсе, способном снизить уязвимость подростков перед кибербуллингом. Однако вопрос о том, как именно уровень сформированности медиакомпетенций связан с ролевой позицией подростка в ситуациях кибертравли и степенью его подверженности кибервиктимизации, остаётся недостаточно изученным в современной научной литературе.

Актуальность исследования обусловлена объективной потребностью в углублённом изучении взаимосвязи между уровнем медиаграмотности подростков и их вовлечённостью в ситуации кибербуллинга с учётом ролевой структуры этого явления. В условиях повсеместного присутствия подростков в социальных

сетях и интернет пространстве отчетливо становится заметен разрыв между растущими рисками негативного воздействия технологий, включая устойчивую распространённость кибербуллинга, и недостаточной сформированностью навыков медиаграмотности, которая и включает в себя критический анализ информации, ответственное поведение в социальных сетях и т.д.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной литературе на наш взгляд недостаточно полно раскрыта взаимосвязь уровня медиаграмотности и позиций в структуре кибербуллинга. Исследования лишь фрагментарно затрагивают вопрос о том, как развитие навыков медиакомпетенции могут влиять на вероятность кибервиктимизации, а целостное понимание механизмов, посредством которых медиаграмотность способна выступать защитным ресурсом от угроз онлайн-пространства, пока не сформировано. По мимо этого, все больше и больше ощущается нехватка научно обоснованных данных, которые необходимы для разработки профилактических программ, объединяющих как развитие медиакомпетенций, так и профилактику кибербуллинга. Эта ситуация создаёт серьёзные трудности для педагогов и психологов: им не хватает практических инструментов для оценки уровня медиаграмотности учащихся, своевременного выявления подростков группы риска по кибервиктимизации и вовлечённости в кибербуллинг, а также для целенаправленного формирования у подростков устойчивых навыков цифровой безопасности и конструктивного онлайн-взаимодействия.

Объектом исследования выступает кибербуллинг в подростковом возрасте.

Предметом исследования является взаимосвязь уровня медиаграмотности подростков с их позицией в ролевой структуре кибербуллинга и показателями кибервиктимизации.

Цель настоящей работы заключается в установлении и описании взаимосвязи уровня медиаграмотности подростков с их ролевой позицией в ситуациях кибербуллинга и степенью подверженности кибервиктимизации.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что показатели медиаграмотности подростков взаимосвязаны с их позицией в ролевой структуре кибербуллинга, а также с показателями кибервиктимизации.

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы необходимо решить следующие **задачи**:

1. Провести теоретическое исследование проблемы медиаграмотности у подростков.
2. Изучить особенности медиаграмотности в подростковом возрасте.
3. Рассмотреть теоретические подходы к проблеме кибербуллинга как явления интернет пространства и социально-психологического феномена.
4. Проанализировать особенности поведения участников процесса кибербуллинга.
5. Дать определение кибервиктимизации, выделить её основные показатели у подростков.
6. Провести исследование и выявить взаимосвязь уровня медиаграмотности подростков с их позицией в ролевой структуре кибербуллинга и показателями кибервиктимизации.
7. Проанализировать полученные результаты.
8. Представить рекомендации по итогам исследования.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных учёных в области медиаобразования и медиаграмотности, в частности исследования А.В. Федорова, Г.У. Солдатовой, Е.А. Бондаренко, а также труды по проблематике кибербуллинга и кибервиктимизации Д.В. Жмурова, Дж. Пэтчина, С. Хиндуи, Р.М. Ковальски и других авторов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы школьными психологами и педагогами для разработки и внедрения программ профилактики кибербуллинга, направленных на развитие медиакомпетенций подростков, а также для своевременного выявления учащихся, входящих в группы риска по кибервиктимизации. Материалы данного научного исследования могут быть использованы педагогами, педагогами психологами и классными руководителями при подготовке уроков по профилактике кибербуллинга и развитию навыков медиакомпетенции.

База исследования. МОУ «СОШ с.Синенькие», МОУ «СОШ п.Сергиевский» МОУ «СОШ №49»

Исследовательская выборка. В исследовании приняли участие 154 подростка, обучающихся в выше перечисленных образовательных организациях, , из которых 71 – юноша, 83 – девушки.

Структура и объём выпускной квалификационной работы: Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников, приложений. Во введении обоснована актуальность исследования, сформулированы его цель, объект, предмет, задачи и гипотеза. В первой главе приводится литературный обзор по теме работы. Вторая глава содержит результаты эмпирического исследования взаимосвязи медиаграмотности подростков с ролевой структурой кибербуллинга и показателями кибервиктимизации. В заключении приводятся выводы, сделанные по результатам практического исследования. Список использованных источников включает 50 научных публикаций по теме работы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Первая глава «Теоретические аспекты изучения медиаграмотности, кибербуллинга и кибервиктимизации в подростковом возрасте» позволила провести исследование по следующим основным аспектам.

Медиаграмотность была определена как качество личности, включающее способность к критическому анализу информации, оценке достоверности источников, пониманию контекста медиасообщений, а также умение создавать собственный медиаконтент с соблюдением этических норм. Предположено, что медиаграмотность может выступать в качестве ментального фильтра, снижающего риск кибервиктимизации, поскольку она влияет на поведенческие паттерны подростка в онлайн-среде. Подростковый период охарактеризован как сензитивный: эмоциональная неустойчивость, повышенная чувствительность к мнению сверстников, склонность к образному восприятию информации делают подростков наиболее уязвимой группой для киберагрессии.

В рамках первой главы также рассмотрены феномены буллинга и моббинга, необходимые для понимания сущности кибербуллинга как социально-психологического явления, возникшего на стыке традиционной травли и цифровой глобализации. Охарактеризованы основные формы кибербуллинга и их возможные проявления в подростковой среде, выделены участники этого процесса – агрессоры, жертвы и наблюдатели, каждый из которых занимает определённую позицию в ролевой структуре. Особое место заняло рассмотрение особенностей коммуникации в интернете – анонимность, круглосуточная доступность, относительная дешевизна и безнаказанность, – которые делают кибербуллинг трудноконтролируемым и все более распространённым явлением.

Рассмотрение теоретических подходов к кибервиктимизации (виктимологического, социально-психологического и коммуникативного) позволило выделить три уровня анализа данного феномена и обосновать необходимость комплексного подхода к его профилактике. Кибервиктимизация определена как процесс превращения индивида в жертву вредоносных действий в онлайн-среде, включающий такие показатели, как провоцирующее поведение, защитные стратегии, цифровая погружённость и опыт предыдущей виктимизации.

Из всего вышеописанного можно сделать вывод о том, что все рассмотренные явления тесно взаимосвязаны. Игнорирование особенностей кибербуллинга и кибервиктимизации не позволяет понять, почему при внешне схожих условиях один подросток становится жертвой, другой – агрессором, а третий – наблюдателем. Именно поэтому тема исследования, посвящённая взаимосвязи уровня медиаграмотности у подростков с их позицией в ролевой структуре кибербуллинга и показателями кибервиктимизации, является крайне важной. Её актуальность обусловлена ростом числа случаев киберагрессии в школьной среде и необходимостью разработки практических инструментов для психологов, педагогов и родителей, позволяющих предупреждать травлю через формирование медиаграмотности как личностного ресурса защиты. Без понимания всех рассмотренных теоре-

тических аспектов невозможно выстроить эффективную профилактику и коррекционную работу, а значит – невозможно обеспечить психологическую безопасность подростков в современной цифровой образовательной среде.

Вторая глава «Эмпирическое исследование взаимосвязи уровня медиаграмотности, ролевой позиции в кибербуллинге и показателей кибервиктимизации у подростков» позволила выявить следующее.

Полученные показатели уровня медиаграмотности означают, что большинство респондентов (42,2%) демонстрируют средний уровень сформированности медиакомпетенций, однако доля подростков с низким и очень низким уровнем (35,0%) заметно превышает долю с высоким и очень высоким уровнем (22,7%). Наиболее развитым компонентом медиаграмотности оказался креативный (средний балл 3,42), что свидетельствует о готовности подростков создавать собственный медиаконтент. Наименее развитым выступил информационный компонент (средний балл 2,75), указывающий на серьёзные трудности с поиском, верификацией и критическим осмыслением информации.

Результаты диагностики распространённости кибербуллинга показали, что в роли наблюдателя кибертравлю хотя бы раз переживали 83% респондентов, из них 60% – неоднократно. В роли жертвы хотя бы раз выступали 68,6% опрошенных, из них 47,3% – систематически. В роли агрессора хотя бы раз выступали 38,2% подростков, причём каждый четвёртый из них совершал кибератаки многократно. На основе сочетания опыта в трёх ролях выделены пять ролевых групп, наиболее многочисленной из которых оказалась группа «жертва-агрессор» (66,9% выборки), что подтверждает феномен циклической природы насилия.

Статистический анализ с использованием непараметрического критерия Краскела-Уоллиса показал наличие значимых различий в уровне медиаграмотности между ролевыми группами ($p = 0,013$). Однако попарные сравнения с поправкой Бонферрони не выявили значимых различий между основными группами (только агрессор, жертва-агрессор и не вовлечён). По большинству показателей кибервиктимизации – общему баллу, провоцирующему поведению, защитным стратегиям, цифровой погружённости – статистически значимых различий между

ролевыми группами не обнаружено ($p > 0,05$). Исключение составил показатель «опыт предыдущей кибервиктимизации» ($p = 0,011$), по которому группа «жертва-агрессор» имеет значимо более высокие показатели по сравнению с группой «только агрессор» ($p = 0,025$).

Для диагностики взаимосвязей был выбран и осуществлён корреляционный анализ по Спирмену. В результате применения указанного коэффициента корреляции были установлены значимые прямые связи. Наглядно взаимосвязи представлены на рисунке 1 (в тексте работы).

Исходя из полученных данных, можно предположить следующую интерпретацию. Уровень медиаграмотности положительно коррелирует с общим баллом кибервиктимизации ($\rho = 0,252$, $p = 0,002$). Чем выше медиаграмотность, тем выше показатели кибервиктимизации. Это противоречит исходному предположению о защитной роли медиаграмотности. Обнаружена также положительная связь медиаграмотности с провоцирующим поведением ($\rho = 0,314$, $p < 0,001$) и опытом предыдущей виктимизации ($\rho = 0,239$, $p = 0,003$). Связи медиаграмотности с защитными стратегиями и цифровой погружённостью не достигли статистической значимости ($p > 0,05$).

Кроме того, не было обнаружено значимых корреляций между ролевой позицией в кибербуллинге и уровнем медиаграмотности ($\rho = -0,028$, $p = 0,727$), а также между ролевой позицией и общим показателем кибервиктимизации ($\rho = 0,032$, $p = 0,697$). Это означает, что принадлежность к той или иной роли сама по себе не связана с уровнем медиаграмотности и степенью уязвимости.

В результате анализа взаимосвязей выявлено, что медиаграмотность не является прямым защитным фактором от кибервиктимизации в изученной выборке. Более высокий уровень медиаграмотности оказался сопряжён с более высокими показателями кибервиктимизации и провоцирующего поведения. Данный парадокс может объясняться тем, что более медиаграмотные подростки лучше распознают случаи кибербуллинга и активнее взаимодействуют с цифровой средой, что

объективно повышает риск столкновения с травлей. Кроме того, пережитый негативный опыт может сам по себе побуждать подростков повышать свою медиаграмотность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое теоретико-эмпирическое исследование, направленное на установление и описание взаимосвязи уровня медиаграмотности подростков с их ролевой позицией в ситуациях кибербуллинга и степенью подверженности кибервиктимизации, позволило сформулировать ряд обобщающих выводов.

В первой главе медиаграмотность была определена как качество личности, включающее способность к критическому анализу информации, оценке достоверности источников и созданию собственного медиаконтента. Подростковый возраст охарактеризован как сензитивный период, в котором эмоциональная неустойчивость и повышенная чувствительность к мнению сверстников делают подростков наиболее уязвимой группой для киберагрессии. Рассмотрены основные формы кибербуллинга, выделены его участники – агрессоры, жертвы и наблюдатели, а также особенности интернет-коммуникации (анонимность, доступность, безнаказанность), делающие кибертравлю трудноконтролируемым явлением.

Во второй главе представлены результаты эмпирического исследования на выборке из 154 подростков. Установлено, что большинство респондентов (42,2%) имеют средний уровень медиаграмотности, при этом доля подростков с низким уровнем (35,0%) превышает долю с высоким уровнем (22,7%). Наиболее развит креативный компонент, наименее – информационный. Распространённость кибербуллинга высока: 83% подростков были наблюдателями, 68,6% – жертвами, 38,2% – агрессорами. Группа «жертва-агрессор» составила 66,9% выборки, подтверждая циклическую природу насилия.

Статистический анализ показал, что по уровню медиаграмотности основные ролевые группы статистически не различаются. По большинству показателей

кибервиктимизации значимых различий между группами не обнаружено, исключение составил опыт предыдущей виктимизации ($p = 0,011$), который выше у группы «жертва-агрессор» по сравнению с группой «только агрессор» ($p = 0,025$).

Корреляционный анализ выявил значимые положительные связи медиаграмотности с общим баллом кибервиктимизации ($\rho = 0,252$, $p = 0,002$), провоцирующим поведением ($\rho = 0,314$, $p < 0,001$) и опытом виктимизации ($\rho = 0,239$, $p = 0,003$). Связи между ролевой позицией и медиаграмотностью, а также между ролевой позицией и кибервиктимизацией не обнаружены.

Полученные результаты частично подтверждают гипотезу о взаимосвязи изучаемых феноменов, однако опровергают предположение о защитной роли медиаграмотности. Более высокий уровень медиаграмотности сопряжён с более высокими показателями кибервиктимизации, что может объясняться лучшей распознаваемостью случаев травли у медиаграмотных подростков или тем, что негативный опыт побуждает активнее осваивать медиабезопасность. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов для разработки программ профилактики кибербуллинга в образовательных учреждениях.

В завершение подчеркнём: проведённая работа вносит определённый вклад в понимание сложной и неоднозначной взаимосвязи, существующей между медиаграмотностью и кибербуллингом в подростковом возрасте. Полученные нами результаты показывают, что медиаграмотность в обследованной выборке не выступает прямым защитным фактором против кибервиктимизации, однако это несколько не умаляет ценности медиаобразования. Скорее, это говорит о необходимости пересмотреть подходы к преподаванию медиаграмотности, делая акцент не только на технических аспектах безопасности, но и на развитии критического мышления и эмоционально-личностной сферы подростков. Исследовательское поле в этой области остаётся очень обширным, особенно в России. Научных работ, посвящённых взаимосвязи медиаграмотности и кибербуллинга, пока крайне мало, а практических рекомендаций, которые можно адресовать педагогам, роди-

телям и детям, — ещё меньше. Только комплексный подход, объединяющий развитие медиакомпетенций, психологическую поддержку и системную профилактику, способен помочь созданию безопасной и поддерживающей цифровой среды для подрастающего поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Базаров, Р.И. Тени Интернета: как анонимность влияет на психологическое здоровье подростков / Р.И. Базаров // Вестник практической психологии образования. — 2025. — Т. 22, № 3. — С. 21–43. — DOI: 10.17759/bppe.2025220314.
2. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура ; пер. с англ. — Санкт-Петербург : Евразия, 2010. — 15-29 с.
3. Бенгина, Е.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка / Е.А. Бенгина, С.А. Гришаева // Вестник университета. — 2018. — № 2. — С. 153–157.
4. Богомолова, Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н.Н. Богомолова. — Москва : Аспект-Пресс, 2008. — 56-72 с.
5. Бондаренко, Е.А. Состояние медиаобразования в мире / Е.А. Бондаренко, А.А. Журин // Педагогика. — 2002. — № 3. — С. 88–98.
6. Власова, Н.В. Анонимность в сети как фактор кибербуллинга / Н.В. Власова, Е.И. Буслаева // Психологическая наука и образование. — 2023. — № 4. — С. 45–58.
7. Войскунский, А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / А.Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 18, № 3.
8. Волкова, Е.Ю. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е.Ю. Волкова, И.В. Волкова // Вестник Мининского университета. — 2017. — № 3. — С. 20–29.

9. Волчегорская, Е.Ю. Подверженность кибербуллингу детей младшего школьного возраста / Е.Ю. Волчегорская, М.В. Жукова, К.И. Шишкина, Е.В. Фролова // Ученые записки университета Лесгафта. — 2019. — № 10.
10. Герасимова, И.В. Медиаобразование и формирование медиакомпетентности в цифровой среде / И.В. Герасимова. — Москва : МПГУ, 2021.
11. Дозорцева, Е.Г. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков / Е.Г. Дозорцева, Д.В. Кирюхина // Прикладная юридическая психология. — 2020. — № 1. — С. 80–87.
12. Жмуров, Д.В. Кибервиктимология : монография / Д.В. Жмуров. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 29-44 с.
13. Жмуров, Д.В. Кибервиктимология. Методы и метрика / Д.В. Жмуров // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 1. — С. 29-72.
14. Жмуров, Д.В. Личностная и корпоративная кибервиктимность / Д.В. Жмуров // Виктимология. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 15-19.
15. Жмуров, Д.В. Модели реализации виктимности в цифровой среде / Д.В. Жмуров // Защита жертв преступлений в современном обществе. — 2023. — Т. 6. — С. 88–93.
16. Зинцова, А.С. Социальная профилактика кибербуллинга / А.С. Зинцова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2014. — № 3 (35). — С. 116–122.
17. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 2019.
18. Лучинкина, И.С. Психологические особенности личности, включённой в ситуацию буллинга в реальном и виртуальном пространствах / И.С. Лучинкина, А.Э. Фазилова // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2019. — № 4. — С. 46–49.
19. Лысенкова, Е.Ю. Кибербуллинг как проблема подросткового возраста / Е.Ю. Лысенкова // Молодой учёный. — 2018. — № 8 (185). — С. 118–121. — URL: <https://moluch.ru/archive/185/49979> (дата обращения: 20.04.2024).

20. Мазурчук, Е.О. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с девиантным поведением в виртуальном пространстве / Е.О. Мазурчук, Н.И. Мазурчук // Педагогическое образование в России. — 2023. — № 1. — С. 95–103. — DOI: 10.26170/2079-8717_2023_01_12.
21. Макарова, Е.Л. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления / Е.Л. Макарова, Е.А. Махрина // Российский психологический журнал. — 2016. — Т. 13, № 3. — С. 38-42
22. Манукян, Э.А. Виктимное поведение подростков в условиях цифровизации / Э.А. Манукян, Н.М. Гутиева // Российский психологический журнал. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 112–125.
23. Солдатова, Г.У. Дети и подростки в цифровой среде: риски и безопасность / Г.У. Солдатова, С.Н. Илюхина // Вопросы психологии. — 2021. — № 3. — С. 45–59.
24. Солдатова, Г.У. Психология цифровой социализации подростков / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова. — Санкт-Петербург : Питер, 2020.
25. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация подростков: риски и ресурсы / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, А.А. Дренева // Психологическая наука и образование. — 2020. — Т. 25, № 4. — С. 56–68.
26. Фазилова, А.Э. Социально-психологические установки личности как фактор вовлеченности в кибербуллинг / А.Э. Фазилова // Психология и психотерапия. — 2024. — № 2. — С. 34–42.
27. Федоров, А.В. Медиаобразование и медиаграмотность : учебное пособие / А.В. Федоров. — Таганрог : ТГПИ, 2008.
28. Федоров, А.В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям / А.В. Федоров. — Таганрог : ТГПИ, 2010. — 156 с.
29. Хасанова, И.И. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодёжи / И.И. Хасанова, С.С. Котова // Образование и наука. — 2017. — Т. 19, № 4. — С. 146–168.
30. Холмогорова, А.Б. Социальная тревожность: теория, диагностика, профилактика / А.Б. Холмогорова. — Москва : МГППУ, 2015. — 280 с.

31. Шпаковская, Е.Ю. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергшихся кибербуллингу / Е.Ю. Шпаковская, А.А. Ключкина // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8, № 1. — С. 59–60.
32. Юрченко, Н.И. Обзор статьи John Suler «The Online Disinhibition Effect» / Н.И. Юрченко // Новые психологические исследования. — 2024. — № 1. — С. 182–190.
33. Belsey, B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation / B. Belsey. — URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 18.03.2024).
34. Beran, T. Cyberbullying: A New Form of Bullying / T. Beran, Q. Li. — Calgary : Detselig Enterprises, 2008. — 185 p.
35. Hinduja, S. Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying / S. Hinduja, J.W. Patchin. — Thousand Oaks : Corwin Press, 2024. — 400 p.
36. Kowalski, R.M. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age / R.M. Kowalski, S.P. Limber, P.W. Agatston. — Malden : Wiley-Blackwell, 2012. — 296 p.
37. Kowalski, R.M. Electronic Bullying Among Middle School Students / R.M. Kowalski, S.P. Limber // Journal of Adolescent Health. — 2007. — Vol. 41, No. 6. — Pp. 22–30.
38. Lei, H. The Relationship Between Self-Esteem and Cyberbullying: A Meta-Analysis of Children and Youth Students / H. Lei, W. Mao, C.M. Cheong et al. // Current Psychology. — 2020. — Vol. 39. — Pp. 830–842.
39. Litwiller, B.J. Cyberbullying and Physical Bullying in Adolescent Suicide: The Role of Violent Behaviour and Substance Use / B.J. Litwiller, A.M. Brausch // Journal of Youth and Adolescence. — 2013. — Vol. 42, No. 5. — Pp. 675–684.
40. McCuddy, T. After the Bell and Into the Night: The Link Between Delinquency and Traditional, Cyber-, and Dual-Bullying Victimization / T. McCuddy, F.-A. Esbensen // Journal of Research in Crime and Delinquency. — 2016. — Vol. 53, No. 2. — Pp. 165–190.

41. Nolenik-Shemesh, D. Bystanders' Behavior in Cyberbullying Episodes: Active and Passive Patterns in the Context of Personal-Social-Emotional Factors / D. Nolenik-Shemesh, T. Heiman, S. Eden // *Journal of Interpersonal Violence*. — 2017. — Vol. 32, No. 1. — Pp. 23–48.
42. Olweus, D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do* / D. Olweus. — Oxford : Blackwell, 1993. — 140 p.
43. Patchin, J.W. Cyberbullying and Self-Esteem / J.W. Patchin, S. Hinduja // *Journal of School Health*. — 2010. — Vol. 80, No. 12. — Pp. 614–621.
44. Patchin, J.W. Cyberbullying Research Center / J.W. Patchin, S. Hinduja. — URL: <https://cyberbullying.org> (дата обращения: 15.05.2024).
45. Smith, P.K. *Cyberbullying: Its Nature and Impact in Secondary School Pupils* / P.K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho. — London : Routledge, 2008. — 210 p.
46. Suler, J. The Online Disinhibition Effect / J. Suler // *CyberPsychology & Behavior*. — 2004. — Vol. 7, No. 3. — Pp. 321–326.
47. Tidwell, L.C. Computer-Mediated Communication Effects on Disclosure, Impressions, and Interpersonal Evaluations: Getting to Know One Another a Bit at a Time / L.C. Tidwell, J.B. Walther // *Human Communication Research*. — 2002. — Vol. 28, No. 3. — P. 317–348.
48. Tokunaga, R.S. Following You Home From School: A Critical Review and Synthesis of Research on Cyberbullying Victimization / R.S. Tokunaga // *Computers in Human Behavior*. — 2010. — Vol. 26, No. 3. — Pp. 277–287.
49. Walther, J.B. *Computer-Mediated Communication: A Theoretical and Empirical Review* / J.B. Walther. — New York : Oxford University Press, 2011. — 350 p.
50. Walther, J.B. Selective Self-Presentation in Computer-Mediated Communication: Hyperpersonal Dimensions of Technology, Language and Cognition / J.B. Walther // *Computers in Human Behavior*. — 2007. — Vol. 23, No. 5.